

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193759-775>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич,  
д.иск., главный научный сотрудник,  
Институт истории, археологии и этнографии,  
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,  
Махачкала, Россия  
[Misrixan37@mail.ru](mailto:Misrixan37@mail.ru)

## ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.С. БАШКИРОВА (1885–1963) В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА

*Аннотация.* В статье освещаются вопросы научной деятельности проф. Алексея Степановича Башкирова в 20-е – начале 30-х годов XX в. по изучению памятников средневекового искусства Дагестана. Автор рассматривает его научные труды, отмечая при этом как ценные наблюдения относительно декоративных качеств исследуемых им произведений искусства, так и отдельные не совсем верные суждения о сюжетах и образах памятников резьбы по камню и дереву и не убедительные аналогии. А.С. Башкиров был первым кто, начал изучение памятников дагестанского искусства с искусствоведческих позиций. Ему принадлежит заслуга первого описания каменного надгробия в виде саркофага XIII в. из сел. Калакорейш, декорированного изобразительными сюжетами и орнаментом в сочетании с позднекуфической арабской надписью; деревянных дверей высокохудожественной отделки джума-мечети сел. Калакорейш; памятников петрографики Дагестана; каменных рельефов – деталей архитектурного декора из сел. Кубачи. Благодаря А.С. Башкирову были введены в научный оборот многие памятники камнерезного искусства Горного Дагестана. Опубликованная в 1931 г. основная исследовательская работа А.С. Башкирова «Искусство Дагестана. Резные камни» получила резко отрицательный отзыв Камиллы Васильевны Тревер (1892-1974). Впоследствии ее рецензия была использована как улика для обвинения искусствоведа в «контрреволюционной деятельности», 8 января 1935 г. он был арестован. Вместе с И.Н. Бороздиным и А.А. Захаровым А.С. Башкиров был сослан на 3 года в Казахстан. После возвращения из ссылки А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин работали преподавателями высших учебных заведений, а А.А. Захаров в 1937 г. был расстрелян. Важным выводом статьи является признание вклада А.С. Башкирова в историю искусства Дагестана и его роли зачинателя дагестанского искусствознания.

*Ключевые слова:* профессор А.С. Башкиров; исследователь дагестанского искусства; Средневековье; резьба по камню и дереву; репрессии

**Для цитирования:** Маммаев М.М. Вклад профессора А.С. Башкирова (1885–1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 759-775. [doi.org/10.32653/CH193759-775](https://doi.org/10.32653/CH193759-775)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193759-775>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev,  
Dr. of Fine Arts, Principal Researcher  
Institute of History, Archaeology and Ethnography  
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia  
[Misrixan37@mail.ru](mailto:Misrixan37@mail.ru)

## CONTRIBUTION OF PROFESSOR A.S. BASHKIROV (1885–1963) TO THE STUDY OF MEDIEVAL ART MONUMENTS OF DAGESTAN

*Abstract.* This article covers the academic life of Professor Alexey Stepanovich Bashkirov during the 1920s and early 1930s, emphasizing his pioneering work in the study of medieval art monuments in Dagestan. The author examines Bashkirov's scholarly contributions, acknowledging his valuable insights regarding the decorative qualities of the artworks he scrutinized. While recognizing the value of his observations, the article also highlights some of Bashkirov's less accurate judgments concerning the subjects and imagery of stone and wood carvings, as well as certain unconvincing analogies drawn in his work. A.S. Bashkirov was the first scholar to approach the study of Dagestan art from an art historical perspective. He is credited with the first description of a 13th-century stone tombstone in the form of a sarcophagus from the village of Kalakoreish, adorned with pictorial subjects and ornaments alongside a late Kufic Arabic inscription; wooden doors from the Juma mosque in Kalakoreish, renowned for their highly artistic embellishments; petrographic monuments of Dagestan and stone reliefs, specifically architectural decorations from the village of Kubachi. Bashkirov's efforts significantly expanded the scholarly understanding of stone-carving art in Mountainous Dagestan. In 1931, A.S. Bashkirov published his major work, "The Art of Dagestan: Carved Stones." The book received a vehemently negative review from Kamilla Vasilievna Trever (1892-1974). Later, her critique served as the basis for accusing Bashkirov of "counter-revolutionary activities," ultimately leading to his arrest on January 8, 1935. Alongside with I.N. Borozdin, he was exiled to Kazakhstan for three years, while A.A. Zakharov met a tragic fate with execution in 1937. This article not only acknowledges Bashkirov's indispensable contribution to the history of Dagestan art but also highlights his role as the foundational figure in the field of Dagestan art history.

*Keywords:* Professor A.S. Bashkirov; Dagestan art researcher; Middle Ages; stone and wood carving; repressions

**For citation:** Mammaev M.M. Contribution of Professor A.S. Bashkirov (1885–1963) to the Study of Medieval Art Monuments of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 759-775. doi.org/10.32653/CH193759-775

Шестьдесят лет тому назад скончался крупный учёный археолог, историк и искусствовед, доктор исторических наук, профессор, действительный член Института народов Востока СССР Алексей Степанович Башкиров. Он внёс весомый вклад в изучение памятников средневекового искусства Дагестана и оставил заметный след в истории дагестанского искусства. Алексей Степанович был зачинателем дагестанского искусствознания, автором давно ставшей библиографической редкостью книги «Искусство Дагестана: резные камни» [1], а также большого количества статей.

Родился А.С. Башкиров 19 июля 1885 г. в г. Кукморе Казанской губернии (современный Татарстан). В 1913 г. он окончил историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета и одновременно Санкт-Петербургский археологический институт. После окончания университета, по рекомендации своих учителей проф. Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева, был направлен в качестве научного сотрудника в Русский историко-археологический институт в Константинополе (современный Стамбул), где получил трёхлетнюю командировку в Грецию, Италию, Францию, Англию и скандинавские страны для изучения античного и средневекового искусства [2, с. 316].

В начале 1917 г. А.С. Башкиров вернулся в Россию и начал работать в Петроградском (ныне Петербургском) университете. С тех пор и до конца жизни он вел научно-исследовательскую и педагогическую работу. С 1945 г. до конца 1962 г. он работал в Ярославском педагогическом институте заведующим кафедрой всеобщей истории, организовал более 50 историко-археологических экспедиций в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье и Среднюю Азию [2, с. 317]. В составе дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиций под руководством проф. Н.Ф. Яковлева А.С. Башкиров в 1923, 1924 и в 1927 гг. совершил научные поездки в Дагестан, где изучал памятники археологии, истории и искусства дагестанских народов [3, с. 233–240]. Им были обследованы сел. Кубачи, Амузги, Ицари, Калакорейш, Сулевкент, Гонода, Чох, Ругуджа, Корода, табасаранские селения Хурик, Ханак, Ругуч и другие, где было выявлено большое количество резных камней – деталей архитектурного декора, а также памятники художественной резьбы по дереву, описанию которых он посвятил несколько своих работ: «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» [4, с. 54–63,], «Деревянные двери дагестанского аула



Рис. 1. А.С. Башкиров. Фото

Fig. 1. Photo of A.S. Bashkirov

Калакорейш» [5, с. 118–130], «Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи» [6, с. 58–69], «Петроглифика Аварии» [7, с. 123–133] и др.

В этих работах им впервые подробно рассматриваются в искусствоведческом плане и вводятся в научный оборот многие произведения средневекового искусства Дагестана. В вышедшей в 1931 г. в Москве книге «Искусство Дагестана: резные камни» [1, с. 1–118] А.С. Башкиров в систематизированном виде описывает большое количество средневековых каменных рельефов – деталей архитектурного декора, выявленных в селениях Кубачи, Калакорейш, Ицари, Гонода, Ругуджа, Чох, в г. Дербенте и других населённых пунктах Дагестана.

Выход этой книги (хотя и содержащей отдельные недостатки) имел неоспоримую научную значимость, так как в ней были приведены наиболее полная систематизация и подробное описание средневековых памятников камнерезного искусства Дагестана. Впоследствии это дало импульс дальнейшему, более углубленному, изучению искусства Дагестана.

Осмысление и обобщение результатов многолетнего изучения памятников искусства дагестанских народов даётся А.С. Башкировым в его содержательном очерке «Резьба по камню и дереву в Дагестане», опубликованном в 1931 г. в Москве в сборнике научных трудов «Художественная культура Советского Востока» [8, с. 103–115]. Им были написаны также статьи по искусству Дагестана для энциклопедических справочников [9, с. 166–170].

В ходе научных экспедиций в Дагестане, А.С. Башкиров, обладая большим исследовательским опытом, уделял значительное внимание изучению археологических памятников. Он обследовал городище Костель, Арменкала в Южном Дагестане и ряд домусульманских памятников в дельте Самура, курганы и остатки древних оборонительных сооружений в районе г. Махачкалы и сел. Тарки, древние поселения близ сел. Кубачи, оборонительные сооружения Дербента и т.д.

В 1945 г. А.С. Башкиров защитил докторскую диссертацию на тему «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)», изданную в 1945–1948 гг. Рассматривая особенности монументального строительства Юга СССР и Переднего Востока, А.С. Башкиров много внимания уделил специфике строительного искусства в г. Дербенте [2, с. 316].

Необходимо отметить, что в существующей литературе не дана должная оценка трудам А.С. Башкирова, не отмечены его заслуги в изучении памятников средневекового искусства Дагестана. Безусловно, труды его вносят заметный вклад в историю искусства Дагестана, в дагестанское искусствоведение.

В 1935 г. Алексей Степанович был репрессирован. Вместе с ним были репрессированы видные учёные-археологи – Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) и Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937). В обвинительном заключении следствия, подписанном 21 июня 1935 г., указывалось, что «... арестованная группа научных работников гуманитарных наук (историки, археологи, этнографы), систематически занимавшая пропагандой к/р [контрреволюционных] националистических идей, ... Башкиров А.С., Бороздин И.Н. и Захаров А.А., в прошлом – до 1930 г., была тесно связана с представителями контрреволюционных националистических формирований реак-

ционных кругов профессуры и научных работников историко-археологических и этнографических наук... и на протяжении нескольких лет вела к/р работу... [Цит. по: 10, с. 128].

Основной уликой обвинения стала крайне отрицательная рецензия доктора исторических наук, проф. Камиллы Васильевны Тревер (1892-1974) на книгу А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» [11, с. 27–37]. Но К.В. Тревер не могла и предположить, что её рецензия будет использована таким образом. По распоряжению ОСО все трое учёных были сосланы на 3 года в Казахстан «за контрреволюционную деятельность» [10, с. 130]. В 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью их реабилитировала [10, с. 130].

После возвращения из ссылки А.С. Башкиров работал в Калининском педагогическом институте, затем в Московском педагогическом институте им. Потёмкина. А с 1945 г. и до своей кончины 1 января 1963 г. был заведующим кафедрой всеобщей истории в Ярославском педагогическом институте [2, с. 316].

Его коллега А.А. Захаров в 1937 г. был расстрелян [10, с. 130]. Сосланный в Алматы И.Н. Бороздин работал в Казахском пединституте. В ноябре 1937 г. он был вновь арестован Тройкой управления НКВД Алма-Атинской области и приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1943 г. его досрочно освободили. В последующем И.Н. Бороздин работал в Ашхабадском пединституте, а с 1949 г. до его кончины в 1959 г. – в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории Воронежского университета [10, с. 130].

Следует отметить, что А.А. Захарову принадлежат такие работы по древностям Дагестана как «Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan» [12] и «Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes» [13].

Материалы Большого Буйнакского кургана позднее обстоятельно исследовала археолог М.П. Абрамова [14, с. 54–73; 15, с. 115–143]. А культовая бронзовая скульптура малых форм с привлечением материалов А.А. Захарова и других авторов получила свое дальнейшее научное осмысление в трудах В.И. Марковина [16, с. 74–124], М.М. Маммаева [17, с. 24–26], О.М. Давудова [18.], О.А. Брилёвой [19] и др.

И.Н. Бороздин тоже затрагивал в своих работах произведения средневекового искусства Дагестана. В очерке «Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока» он писал о том, какой «большой интерес представляют рельефы, обнаруженные в Дагестане и носящие следы древних культурных традиций. Некоторые из них, – отмечал он, – находятся под определенным сасанидским влиянием» [20, с. 16].

Памятники средневекового искусства Дагестана А.С. Башкиров начал изучать в 1924 г. Летом этого года в составе Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции под руководством проф. Н.Ф. Яковлева, организованной Наркомпросом ДАССР [3, с. 238], он посетил сел. Калакорейш, где зафиксировал каменное надгробие в виде саркофага (рис. 2-3). В вышедшей в 1926 г. статье «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» [4, с. 54–63. Табл. VII, рис. 2-3, VIII] А.С. Башкиров описал представленные на саркофаге изобра-

зительные сюжеты и орнаментальные композиции, датировав надгробие временем не позднее конца XII в. [4, с. 62].

А.С. Башкиров довольно бегло проанализировал представленные на саркофаге изобразительные сюжеты и орнаментальные композиции. Не совсем убедительны приводимые им аналогии композиции львов с орлом с рельефами из Армении (монастыря Айриванк) и из Испании (археологического музея в Мадриде) [4, с. 59–60]. Проводя параллели между калакорейскими сюжетами и рельефами церкви Покрова на Нерли и собора Юрьева Польского Владимиро-Суздальской Руси, А.С. Башкиров писал: «Владими́ро-Суздальские резные камни XIII века дают нам богатейший материал к изучению калакорейского надгробия» [4, с. 60]. Впоследствии это мнение А.С. Башкирова было подвергнуто критике известным исследователем рельефов владими́ро-суздальских храмов Г.К. Вагнером [21, с. 30].

Описывая фриз верхнего конца юго-западной продольной стороны саркофага, А.С. Башкиров элементы орнаментальной композиции рассматривал как «загадочные эпиграфические знаки, ... как орнамент буквенного порядка» [4, с. 56]. Фигура в виде монограммы, высеченная на северо-восточной продольной стороне саркофага, была им интерпретирована как «таврообразный знак – подобие инициальной вязи – своеобразной монограммы – усложнённой некоторыми орнаментальными элементами... Это – родовое или племенное клеймо (тавро-монограмма-печать) похороненного здесь человека...» [4, с. 57]. Однако доказать это трудно.

Подводя итоги исследованию саркофага из Калакорейша, А.С. Башкиров дал памятнику высокую оценку: «памятник материальной культуры древности приоткрывает нам любопытнейшую страницу богатой культурной жизни Кайтага в эпоху средневековья и ярким образом говорит нам своими художественными данными о том, что южный нагорный Дагестан жил общей культурной жизнью со средневековым Востоком...» [4, с. 62].

Статья А.С. Башкирова о калакорейском надгробии привлекла внимание и вызвала интерес к саркофагу ряда исследователей. Позднее его изучали Э.В. Кильчевская [22, с. 21–23, табл. II, 7–9; 23, с. 53–61. Рис. 21–23], Л.И. Лавров [24, с. 77, 179], А.Р. Шихсаидов [25, с. 129–132], М.М. Маммаев [17, с. 103–105. Рис. 176–179; 26, с. 176–181, рис. 142], П.М. Дебиров [27, с. 28], М.Г. Магомедов и А.Р. Шихсаидов [28, с. 44–45, 76–77, рис. 4–6].

В другой работе «Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш [5, с. 118–130, табл. 10–12] А.С. Башкиров описал резные двустворчатые двери (рис. 4–5) восточного и западного входов (в северном фасаде) джума-мечети сел. Калакорейш. В статье и в монографии «Искусство Дагестана. Резные камни» [1, табл. 41–42] автор выясняет особенности декоративной отделки дверей, датирует их XII–XIII вв. В статье автор верно пишет, что «каждая пара дверей по своей орнаментике совершенно отлично одна от другой и своеобразна, но несмотря на разность сюжета, стиль их имеет много общего». Однако следует отметить, что в описании декора дверей некоторые существенно важные детали художественного убранства им отмечены не были. Для орнаментальных мотивов и изобразительных сюжетов, воспроизведённых на дверях, А.С. Башкировым были приведены не совсем убедительные

и слишком отдалённые и хронологически, и территориально, аналогии с памятниками декоративно-прикладного искусства (фаянс, ткани, металл) Ирана и монументального архитектурного декора Египта, Владимиро-Суздальской Руси и Западной Европы. Вместе с тем, он правильно отмечает близость сюжетных композиций с изображениями львов на восточной паре дверных створок и изображений птиц в геральдических композициях западной пары дверных створок к геральдическим сюжетным композициям средневековых каменных рельефов-архитектурных деталей сел. Кубачи.

Композицию с изображениями животных (львов), высеченную чуть ниже среднего участка левой створки восточной пары дверей А.С. Башкиров рассматривал как сцену терзания хищником (львом) копытного животного (лошади<sup>1</sup>) [5, с. 122]. На самом деле, это своеобразная композиция с изображениями львов по диагонали квадрата с перекрещивающимися туловищами, но мордами, обращенными в противоположные стороны.

Западные двустворчатые двери калакорейшской мечети (рис. 5) по художественной отделке значительно отличаются от восточных дверей. На это указывал А.С. Башкиров. Обе створки покрыты сплошным ковром искусной резьбы в виде декоративного панно: от переплетающихся и соприкасающихся другу с другом стеблей отходят в стороны завитки.

В верхних частях створок дверей представлены геральдические изображения стилизованных пар птиц по сторонам плетёных узлов, т.н. «узлы счастья».

В оценке резных дверей мечети Калакорейша, А.С. Башкиров повторил сказанное им относительно надгробия каменного саркофага, что «означенные памятники материальной культуры древности приоткрывают страницу богатой культурной жизни Кайтага в эпоху средневековья». Двери мечети «ещё раз говорят о богатстве художественных форм, которыми жила данная область, и одновременно о твёрдо сложившейся традиции, тесно связанной с другими культурными странами» [5, с. 128].

В середине XX в. двери калакорейшской мечети были подробно исследованы П.М. Дебириным [29, с. 40–44, рис. 52–55] и М.М. Маммаевым [26, с. 203–212, 509, рис. 182–183] как высокохудожественные произведения декоративно-прикладного искусства средневекового Дагестана.

В 1930 г. А.С. Башкировым была издана статья «Петрографика Аварии» [7, с. 126–133]. В ней рассматриваются памятники петрографики в основном трех аварских селений – Тидиб, Ругуджа и Корода. Графическую резьбу по камню – петрографику – он охарактеризует как своеобразный вид народного искусства. Описывая технику графической резьбы по камню, А.С. Башкиров перечисляет инструменты резьбы, отмечает различные сорта камней – глинистый сланец, мелкозернистый известняк и песчаник, на которые нанесены различные рисунки. Он кратко рассматривает рисунки памятников петрографики – квадраты, ромбы, круги, меандры, кресты, лабиринты, кисти человеческой руки, спирали, некоторые из них, по мнению А.С. Башкирова, имели апотропеическое значение: «Кресты в петрографике Аварии встречаются в христианской иконографии византийского

1. Изображение льва, обращённого вправо, А.С. Башкиров считал изображением лошади.

и грузинского изводов» [7, с. 129].

Наряду с перечисленными рисунками им рассматриваются и сюжеты «реально-бытового характера» – сцены борьбы мужчин с копьями, сцены охоты на оленей (рис. 6), козлов и других животных.

Описывая каменные блоки различных размеров с изображениями различных рисунков, людей и животных, вставленные в стены домов, башен, и культовых зданий, А.С. Башкиров указывает на тесную связь петрографики с резьбой по дереву [7, с. 132].

В целом характеризуя памятники петрографики Аварии, А.С. Башкиров отмечает, что «в художественном отношении этот род искусства весьма посредственный, его рисунок отличается примитивностью и детской наивностью, но сюжетный багаж композиции разнообразный, а иногда и сложный, имеющий отчасти символическое значение, отчасти реально-бытовое, а часто и просто орнаментальное» [7, с. 126].

Время возникновения петрографики в Дагестане А.С. Башкиров верно относит к глубокой древности, а наибольший его расцвет – к средним векам.

Хотя статья написано несколько «тяжёлым» слогом, ценность её состоит в том, что она положила начало изучению петрографики Дагестана как своеобразного вида народного художественного творчества. Впоследствии петрографика Аварии и Дагестана нашла свое дальнейшее научное осмысление в работах археологов Д.М. Атаева и В.И. Марковина [30, с. 342–372], искусствовед П.М. Дебирова [27, рис. 16–32], архитектор Г.Я. Мовчана [31, с. 53, рис. 60, с. 61, рис. 70–71, с. 146, рис. 215, с. 164, рис. 239, с. 267, рис. 429], акад. С.О. Хан-Магомедова [32, с. 110–135, рис. 76–91].

Помимо памятников петрографики и монументального искусства (каковыми являются надмогильный памятник в виде каменного саркофага XIII в. из с. Калакорейш, резные деревянные двери XII–XIII вв. калакорейшской мечети, база каменной колонны XII–XIII вв. из с. Хунзах, каменная плита XIII в. из с. Гонода с различными изобразительными сюжетами и др.) А.С. Башкиров занимался изучением различных каменных архитектурных деталей из сел. Кубачи. Одна из них – рельеф середины XIV в. с фризовой композицией трёх мужских состязаний, хранящийся в трех частях в Государственном Эрмитаже, который Алексей Степанович исследовал подробно. Рельеф и его отдельные детали опубликованы в его книге «Искусство Дагестана: резные камни» [1, табл. 5, 6, 7, 12].

Изготовлен рельеф из местного камня – глинистого сланца твёрдой породы. Длина его 135 см, высота 33 см. Сохранился он в трёх обломках (частях). Где он первоначально находился трудно установить. Возможно, он входил в декоративное убранство (с учётом представленных на нём сюжетов) здания «Гулалла хьал» (в переводе с кубачинского – Дом молодых мужчин, парней). Здесь собирались члены кубачинского мужского союза «Гулалла акь букьун» – сообщества молодых неженатых мужчин, в состав которых входили члены дружины «батирте»<sup>2</sup>. Как и здание дворцового типа «Хвала хьулбе» (Большие дома), где собирался «Чине» (Совет старейшин), дом «Гулалла хьал» был богато отделан рельефной фасадной каменной скульптурой

2. О кубачинских мужских союзах и батирте см.: [33, с. 147–186].



[26, с. 123–128].

На рассматриваемом рельефе изображены три относительно самостоятельных и в то же время взаимно связанных между собой сюжета [1, табл. 5, 6, 7].

1. На левой стороне рельефа находятся изображения двух конных всадников, скачущих навстречу друг другу.

2. В центре фризы представлена сцена единоборства двух мужчин.

3. На правой стороне рельефа расположена сцена стрельбы конного лучника в цель на скаку, полуобернувшегося назад. С левой стороны конного лучника изображён вертикально поставленный флаг с трезубчатым полотнищем. Ниже флага изображены круглый щит, колчан, налучье – вероятно, призы победителю.

А.С. Башкиров подробно анализирует представленные на рельефе сюжеты и приводит им слишком, на наш взгляд, широкие аналогии. К примеру, в качестве аналогии сюжету состязания конных всадников на кубачинском рельефе он приводит изображение скачущих всадников, воспроизведенные на рельефах Дмитриевского собора XII в. в г. Владимире, а также изображения конных святых воинов, высеченные на средневековых киевских рельефах [1, с. 25–26]. Однако рельефы скачущих всадников Дмитриевского собора отличаются от кубачинских и иконографически, и семантически: там изображены «святые воины (Фёдор, Тирон, Георгий и др.). Некоторые из них скачут, размахивая мечом, другие держат меч на плече. Многие же не имеют оружия» [21, с. 246–248, рис. 174–175]. На двух рельефах скачущих всадников южного фасада собора изображены князья Борис и Глеб [21, с. 246–248]. Но сцене с борцами Алексей Степанович верно приводит в качестве аналогии изображения борцов на тимпане двупроёмного окна XIV в. из сел. Кубачи [1, табл. 12–13], находившегося в то время в кладке стены западного фасада женской мечети («Хьунналла мишит») в нижнем квартале Кубачи, а ныне хранящемся в Дагестанском музее изобразительных искусств. В книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» представлены графические рисунки двух борцов и скачущих навстречу друг другу конных всадников [1, с. 14, рис. 1], заимствованные из «Атласа к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря» [34, табл. XIV, рис. 20, 25].

Статья А.С. Башкирова вызвала интерес исследователей к рельефу и представленным на нём сюжетам. Изучив его, Э.В. Кильчевская высказалась о возможной связи его сюжетов с сасанидскими наскальными рельефами III–IV вв. древнего Ирана (Накш-и Рустема), что на наш взгляд совершенно неубедительно и неприемлемо [23, с. 75, рис. 39].

Сюжеты трёх мужских состязаний рассматривал и этнограф М.А. Дибиров. В работе «Народные игры и спорт в Дагестане» он привлекает фризовые сюжеты кубачинского рельефа в качестве иллюстративного материала, показывающего развитие в эпоху Средневековья в Дагестане конноспортивных состязаний, единоборств и стрельбы из лука со скачущей лошади по цели, стоя в стременах и обернувшись назад [35, с. 45–66, 108–116].

Кратко описал рельеф и научный сотрудник отдела Востока Государственного Эр-

митажа А.А. Иванов [36, с. 122–123, илл. 94]. Он писал, что «этот один из знаменитых кубачинских рельефов привлёк внимание академика Б.А. Дорна ещё в 1861 г. во время его визита в селение [Кубачи]. На рельефе изображены военно-спортивные состязания» [36, с. 122–123].

Дальнейшее изучение сюжеты рельефа нашли в работе З.В. Доде [36, с. 66–71]. Рельеф этот автор отнесла к «монгольскому циклу кубачинских рельефов», а сюжеты рельефа интерпретировала как «сцены монгольского праздника Наадам», описанного в монголо-калмыцком эпосе «Джангар» [37, с. 66, 69].

Кубачинский рельеф с фризовой композицией трёх мужских состязаний подробно исследован и в специальной статье автора этих строк [38, с. 85–97]. В ней показана ошибочность толкования сюжетов З.В. Доде, которая, подгоняя изображения, воспроизведённые на рельефе, под содержание монголо-калмыцкого эпоса «Джангар» и утверждая, что на рельефе показаны эпизоды монгольского праздника «Наадам», описанного в «Джангаре», исказила смысловое значение сюжетов. В нашей статье сюжеты рельефа интерпретируются как изображения реально бытовавших в средние века в с. Кубачи военно-спортивных состязаний членов дружины батирте.

В работе А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» были тщательно описаны и систематизированы резные камни, выявленные автором в г. Дербенте, в селениях Кубачи, Калакорейш, Ицари, Амузги, Ругуджа, Чох, Хунзах, а также каменные рельефы из с. Кубачи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Дагестанском Республиканском краеведческом музее (ныне Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи). В этой же работе воспроизведены рисунки каменных рельефов из «Атласа к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря [34, табл. XIV–XVI]. В неё также включены памятники, которые были предварительно опубликованы самим А.С. Башкировым в его более ранней работе «Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи» [6, с. 58–69]. Характеризуя стиль и сюжеты средневековых резных камней, А.С. Башкиров прослеживает определённую общность их с памятниками Передней Азии и Средиземноморья. Однако в этой работе общая картина развития искусства Дагестана не обрисована. К тому же она содержит не совсем верные обобщения и выводы.

В кратком историко-этнографическом очерке «Дагестанское искусство», опубликованном в XX томе «Большой советской энциклопедии» [9 с. 166–170] освещается в основном средневековое искусство резьбы по камню и дереву. Они же рассмотрены исследователем в небольшом очерке «Резьба по камню и дереву в Дагестане» [8, с. 103–115]. Исходя из особенностей техники резьбы и трактовки изобразительных сюжетов, всё камнерезное искусство Дагестана он делит на две группы: на примитивную графику северных районов и пластическую резьбу южных. Причём последнюю А.С. Башкиров считает «достоянием инвентаря имущих классов», а «северная резьба примитивного рисунка» служила неимущим [8, с. 106–107]. Здесь же он отмечает связь орнаментики и техники резьбы по дереву с орнаментикой и резьбой по камню.

Резьбу по дереву в Дагестане он рассматривает как чисто орнаментальную и делит ее, как и резьбу по камню, на две разновидности: южную и северную, различающиеся, по мнению автора, по сюжету композиции и характеру орнаментальных мотивов. Для

южной резьбы по дереву А.С. Башкиров считает характерными «и геометрические, и растительные, и животные элементы орнаментики». В качестве образца он привлекает деревянные двери XII–XIII вв. калакорейшской мечети, а наиболее крупными очагами южной резьбы по дереву считает табасаранские селения Хурик, Ханак и Ругуч, обследованные им в 1927 г.

В заключение отметим, что несмотря на не всегда верные суждения об исследуемых произведениях средневекового искусства Дагестана, А.С. Башкиров в целом давал им высокую оценку, можно сказать, восхищался их высокими художественными качествами. Его труды отражали уровень развития дагестанского искусствознания того времени. Он положил начало истории искусства Дагестана, дал толчок дальнейшему изучению памятников дагестанского искусства. Дело его продолжили в последующем искусствоведы, историки, археологи, опираясь при этом на достигнутые Алексеем Степановичем успехи в искусствоведческих исследованиях и отталкиваясь от его трудов. Он побывал во многих дагестанских селениях (Кубачи, Амузги, Калакорейш, Ицари, Гонода, Тидиб, Корода, Ругуджа, Чох, Хунзах), в г. Дербенте, когда транспорт в республике не был развит и ему часто приходилось пешком добираться из селения в селение, чтобы исследовать памятники искусства.

А.С. Башкиров допускал в своих работах неточности (приводил не всегда убедительные аналогии) в интерпретации сюжетов и образов средневекового искусства Дагестана, сравнивая дагестанские произведения средневековой резьбы по камню и дереву с высокохудожественными произведениями Владимиро-Суздальской Руси, Западной Европы, стран Ближнего Востока. Но такие сравнения он делал, чтобы подчеркнуть высокие художественные качества произведений дагестанских мастеров резьбы по камню, дереву и др.

Неутомимый труженик проф. А.С. Башкиров относится к числу тех русских советских учёных, которые закладывали основы современной науки. Своим самоотверженным трудом, неиссякаемым энтузиазмом он внёс заметный вклад в изучение искусства дагестанских народов. Он был зачинателем дагестанского искусствознания. К его трудам обращаются и будут обращаться все те, кто посвятил себя изучению истории искусства и художественной культуры народов Дагестана.

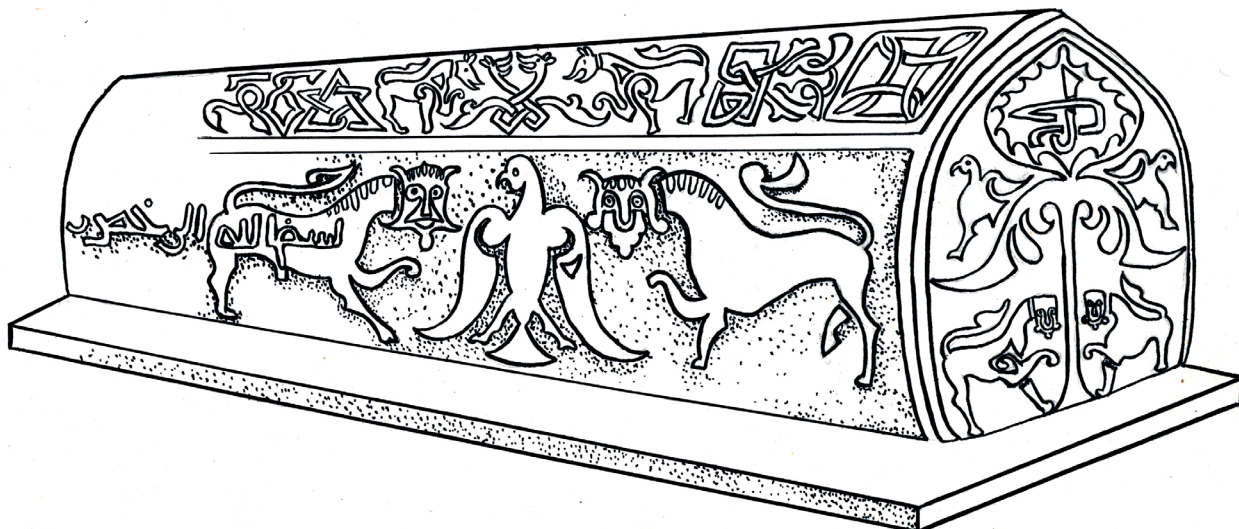


Рис. 2. Надгробие в виде каменного саркофага из сел. Калакорейш.  
Общий вид. Длина 2 м, высота 0,58 м. XIII в.

Fig. 2. Tombstone in the form of a stone sarcophagus from the village of Kalakoreish.  
General view. 2 m x 0.58 m. 13th century

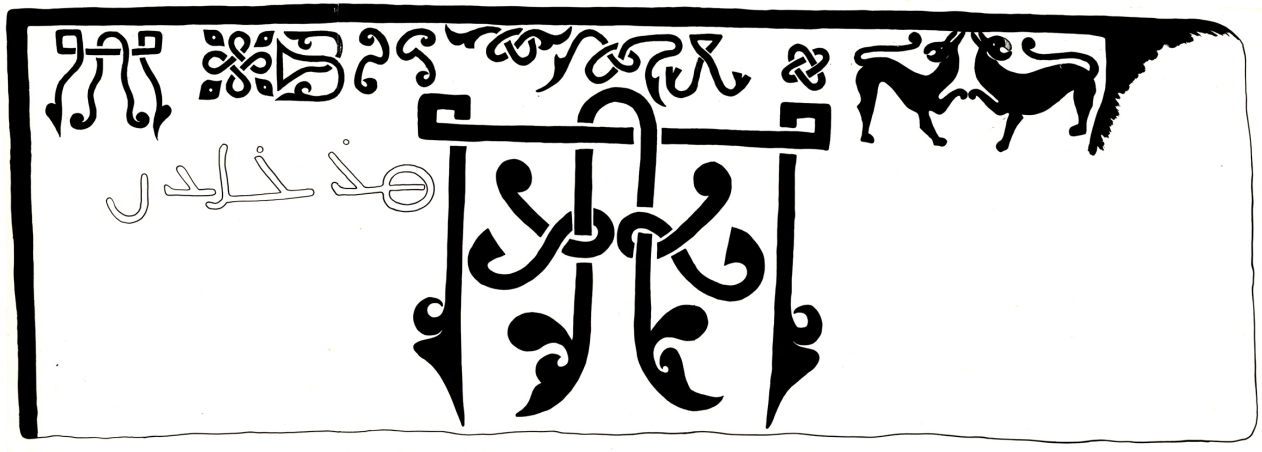


Рис. 3. Изображения, высеченные на северо-восточной стороне саркофага из сел. Калакорейш

Fig. 3. Images carved on the north-eastern side of the sarcophagus from the village of Kalakoreish



Рис. 4. Резные деревянные двери мечети в сел. Калакорейш. Восточная пара. XII–XIII в.  
Национальный музей Республики Дагестан

Fig. 4. Carved wooden doors of the mosque in the village of Kalakoreish. Eastern pair. 12th–13th centuries.  
National Museum of the Republic of Dagestan

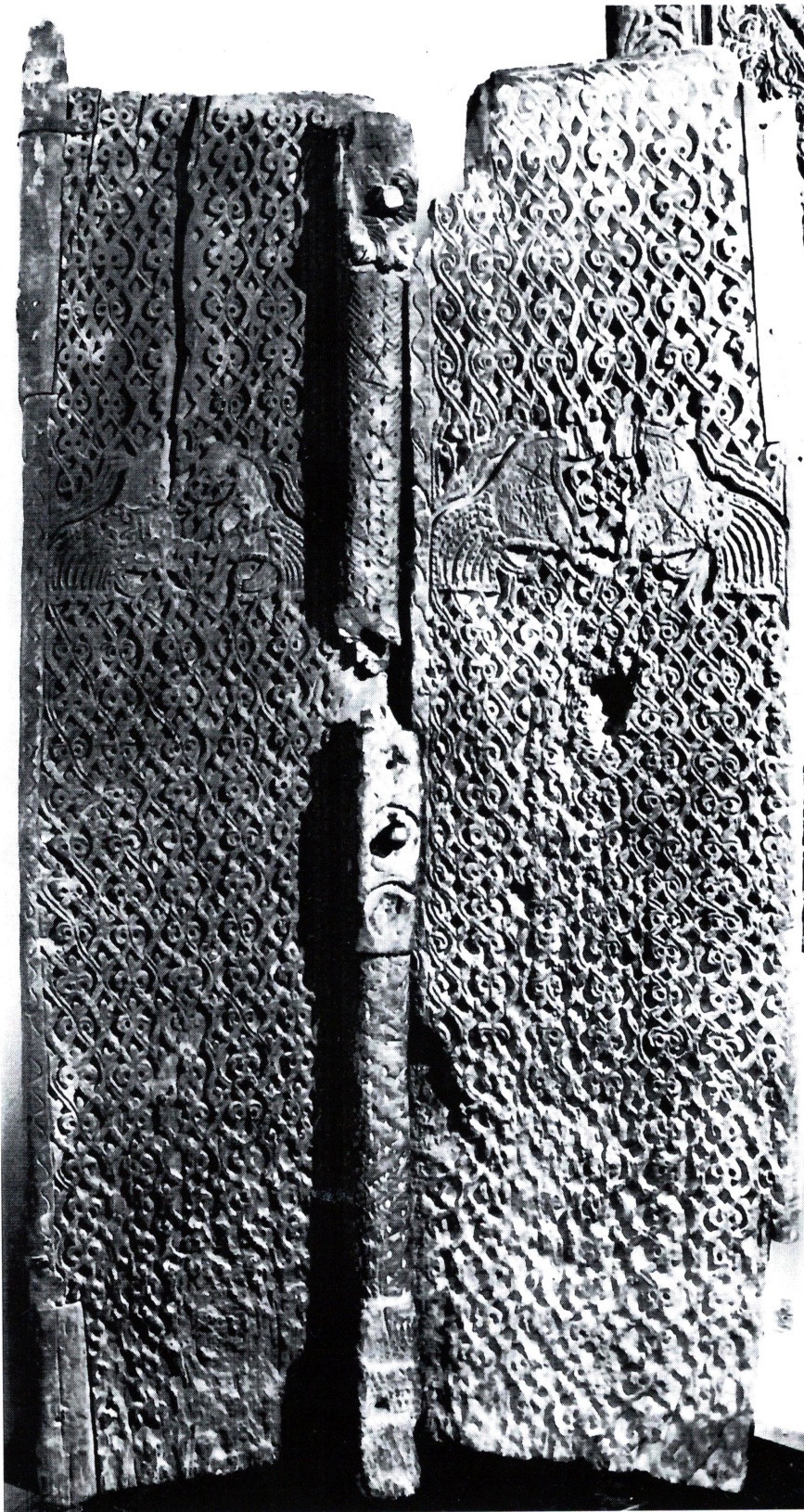


Рис. 5. Резные деревянные двери мечети в сел. Калакорейш. Западная пара XII–XIII вв.  
Национальный музей Республики Дагестан

Fig. 5. Carved wooden doors of the mosque in the village of Kalakoreish. Western pair. 12th–13th  
National Museum of the Republic of Dagestan

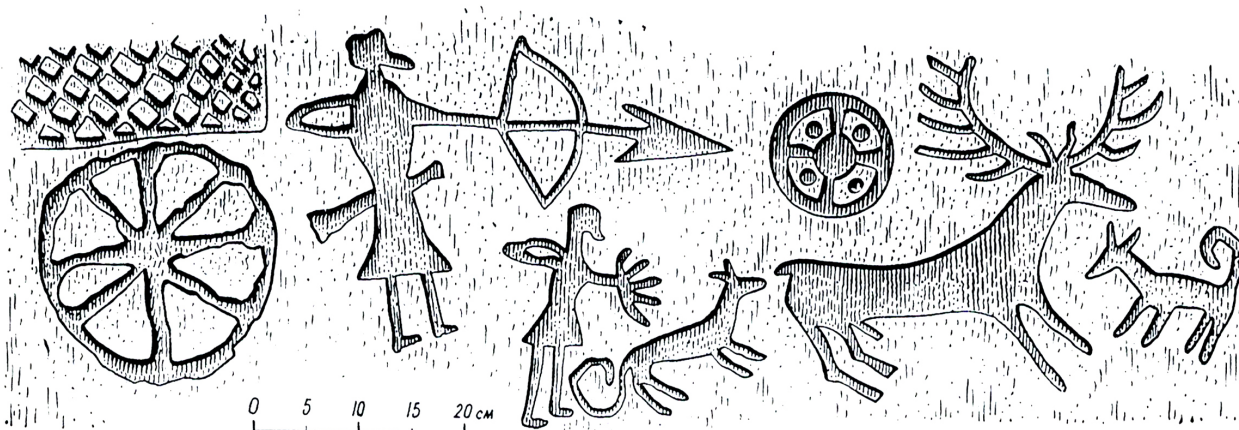


Рис. 6. Петроглиф со сценой охоты в кладке стены жилого дома в сел. Тидиб Шамильского района XVI в.

Fig. 6. Petroglyph with a hunting scene in the masonry of a wall of a residential building in the village of Tidib, Shamilsky region, 16th century

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров А.С. Искусство Дагестана: резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
2. Пятишева Н. А.С. Башкиров [некролог] // Советская археология. 1963. № 3. С. 316–317.
3. Башкиров А.С. Изучение памятников старины // ДС. Т. III. Махачкала, 1927. С. 233–240.
4. Башкиров А.С. Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды ОАИАИ РАНИОН. 1926. Вып. 1. С. 54–63. Табл. VII, 2–3, VIII.
5. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 2. М., 1928. С. 118–130. Табл. 10–12.
6. Башкиров А.С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 58–69.
7. Башкиров А.С. Петрография Аварии // Техника обработки камня и металла. Сб. статей. М.: РАНИОН, 1930. С. 123–133.
8. Башкиров А.С. Резьба по камню и дереву в Дагестане // Художественная культура Советского Востока. М.; Л.: Academia, 1931. С. 103–115.
9. Башкиров А.С. Дагестанское искусство // Большая советская энциклопедия. Издание 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 166–170.
10. Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология. 2001. № 3. С. 123–131.
11. Тревер К.В. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (о книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана». М., 1931) // Известия ГАИМК, 1932. № 1-2. С. 27-37.
12. Zakharov A.A. Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghestan. // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1930. Т. 5. P. 183–216

#### REFERENCES

1. Bashkirov AS. *Art of Dagestan: carved stones*. Moscow: RANION, 1931. (In Russ.)
2. Pyatisheva N. A.S. Bashkirov [obituary]. *Soviet archeology*. 1963, 3: 316-317. (In Russ.)
3. Bashkirov AS. Study of ancient monuments. *DS*. Vol. III. Makhachkala, 1927: 233-240. (In Russ.)
4. Bashkirov AS. Medieval monument of the Dagestan village of Kalakoreish. *Proceedings of SAIAI RANION*. 1926, 1: 54-63. Table VII, 2-3, VIII. (In Russ.)
5. Bashkirov AS. Wooden doors of the Dagestan village of Kalakoreish. *Proceedings of SAIAI RANION*. Vol. 2. Moscow, 1928: 118–130, Tables 10-12. (In Russ.)
6. Bashkirov AS. Sculptural monuments of the Dagestan village of Kubachi. *Proceedings of SAIAI RANION*. Vol. IV. Moscow, 1928: 58-69. (In Russ.)
7. Bashkirov AS. Petrographics of Avaria. *Technology of stone and metal processing*. Collected articles. Moscow: RANION, 1930: 123-133. (In Russ.)
8. Bashkirov AS. Stone and wood carving of Dagestan. *Artistic culture of the Soviet East*. Moscow; Leningrad: Academia, 1931: 103-115. (In Russ.)
9. Bashkirov AS. Dagestan art. *Great Soviet Encyclopedia*. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1930: 166-170. (In Russ.)
10. Vatlin AYU., Kantorovich AR. From the history of Russian archaeological science (failed trial of 1935). *Rossiyskaya arheologiya*. 2001, 3: 123-131. (In Russ.)
11. Trever KV. A deer with longing in his gaze and a melancholic pig (about the book by A.S. Bashkirov "The Art of Dagestan". Moscow, 1931). *News of the State Historical and Cultural Museum*. 1932, 1-2: 27-37. (In Russ.)
12. Zakharov AA. Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghestan. *Eurasia Septentrionalis antiqua*. Helsinki, 1930. Vol. 5 :183-216
13. Zakharov AA. Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. *Swiatowit*. Vol. XV, 1932/33. Warszawa, 1933: 65-115.

13. Zakharov A.A. Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes // Swiatowit. T. XV, 1932/33. Warszawa, 1933. P. 65–115.
14. Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1977. С. 54–73.
15. Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1980. С. 115–143.
16. Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. Сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 74–124.
17. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 348с., 237 илл.
18. Давудов О.М. Антропоморфная пластика Северо-Восточного Кавказа. Махачкала: Алеф, 2016. – 157 с.
19. Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. XV в. до н.э.– X в. н.э. М.: Таус, 2012. – 424 с.
20. Художественная культура Советского Востока. Сб. статей / Под общей редакцией И. Бороздина. М.; Л.: Academia, 1931. – 115 с.
21. Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбovo. М.: Искусство, 1969. – 480с.
22. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 82с. XVI. табл. илл.
23. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968. – 208 с.
24. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть первая. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, коммент., введ. и приложения. М.: Наука, 1966. – 300с.
25. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1974. С. 124–132.
26. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Зпоха, 2014. -592с., 307 илл.
27. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966. – 208с.
28. Магомедов М.Г., Шахсаидов А.Р. Калакорейш (крепость курейшитов). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000. – 168 с.
29. Дебилов П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. – 240с., 345 илл.
30. Атаев Д.М., Марковин В.И. Петрография горной Аварии // УЗ ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. С. 342–372.
31. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. По материалам авторских обследований 1945–1964 гг. М.: ДМК пресс, 2001. – 526 с.
32. Хан-Магомедов С.О. Дагестанские лабиринты. К проблеме автохтонности и типологии. М.: Изд-во «Ладья», 2000. – 266с.
33. Abramova M.P. Large Buynaksky Kurgan. *Archaeological monuments of early medieval Dagestan*. Collected articles. Makhachkala, 1977: 54–73. (In Russ.)
34. Abramova M.P. Buynaksky Kurgan. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Collected articles. Makhachkala, 1980: 115–143. (In Russ.)
35. Markovin V.I. Cult plastic art of the Caucasus. *New in the archeology of the North Caucasus*. Collected articles. Moscow: Nauka, 1986: 74–124. (In Russ.)
36. Mammaev M.M. *Decorative and applied arts of Dagestan. Origins and formation*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1989. (In Russ.)
37. Davudov O.M. *Anthropomorphic plastic art of the North-Eastern Caucasus*. Makhachkala: Aleph, 2016. (In Russ.)
38. Brileva O.A. *Ancient bronze anthropomorphic sculpture of the Caucasus. 15th century BC – 10th century AD*. Moscow: Taus, 2012. (In Russ.)
39. *Artistic culture of the Soviet East. Collected articles*. I. Borozdin (ed.). Moscow; Leningrad: Academia, 1931. (In Russ.)
40. Wagner G.K. *Sculpture of Ancient Rus'. 12th century. Vladimir. Bogolyubovo*. Moscow: Iskusstvo, 1969. (In Russ.)
41. Kilchevskaya E.V. *Decorative art of the village of Kubachi*. Moscow: State Publishing House of Local Industry and Arts of the RSFSR, 1962. (In Russ.)
42. Kilchevskaya E.V. *From pictorialism to ornament*. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ.)
43. Lavrov L.I. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part I. Inscriptions of the X–XVII centuries. Texts, translations, commentary, introduction and appendix. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
44. Shikhsaidov A.R. New epigraphic monuments of Dagestan. *Questions of the history of Dagestan*. Vol. 1. Makhachkala: USSR Academy of Sciences Publ., 1974: 124–132. (In Russ.)
45. Mammaev M.M. *Art of Zirikhgeran-Kubachi XIII–XV centuries and its place in the system of artistic cultures of East and West*. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ.)
46. Debirov P.M. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
47. Magomedov M.G., Shikhsaidov A.R. *Kalakoreish (The fortress of quraysheits)*. Makhachkala: Yupiter, 2000. (In Russ.)
48. Debirov P.M. *Wood carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)
49. Ataev D.M., Markovin V.I. *Petrography of the Mountainous Avaria*. UZ IYAL DagFAN USSR. Vol. XIV. Makhachkala, 1965: 342–372. (In Russ.)
50. Movchan G.Ya. *An old Avar house in the mountains of Dagestan and its fate. Based on materials from the author's surveys of 1945–1964*. Moscow: DMK press, 2001. (In Russ.)
51. Khan-Magomedov S.O. *Dagestan labyrinths. On the problem of autochthony and typology*. Moscow: Ladya Publ., 2000. (In Russ.)
52. Shilling E.M. *Kubachi people and their culture. Historical and ethnographic studies*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
53. *Atlas for the journey of B.A. Dorn along the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea*. Saint Pe-



33. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. – 224с.

34. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.: Изд. Русск. Археологического общества с предисл. В. Розена, 1895. – 9с., 26 л. табл.

35. Дибиров М.А. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 160с.

36. Иванов А.А. Культура Кубачи // Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Л.: С.-Петербург, 2008. – 432 с.

37. Додэ З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 10. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: ГУП «Наследие», 2010. – 248с.

38. Маммаев М.М. Каменный рельеф XV в. из с. Кубачи с фризовой композицией трёх мужских состязаний. История изучения и интерпретация сюжетов // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2013. № 3. С. 85–97.

tersburg: Russian Archaeological Society with a foreword by V. Rosen, 1895. (In Russ.)

35. Dibirov MA. *Folk games and sports in Dagestan*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1968. (In Russ.)

36. Ivanov AA. Kubachi culture. *In palaces and tents, the Islamic world from China to Europe. Exhibition catalogue*. State Hermitage Museum. Saint-Petersburg, 2008. (In Russ.)

37. Dode ZV. Kubachi reliefs. A new look at ancient stones. *Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus*. Vol. 10. Moscow: Monuments of historical thought; Stavropol: State Unitary Enterprise “Nasledie”, 2010. (In Russ.)

38. Mammaev MM. Stone relief from the 15th century from the village Kubachi with a frieze composition of three men’s competitions. History of study and interpretation of plots. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2013, 3: 85-97. (In Russ.)

Поступила в редакцию 21.02.2023 г.

Принята в печать 13.03.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 21.02.2023

Accepted 13.03.2023

Published 15.09.2023